

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 35, Is. 1, pp. 55–68, 2018
 DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-55-68
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 94(47).084

The Tuvan People's Republic (1921–1944): Formation of the Legislative Framework

Vera M. Damdynchap¹

¹ Postdoctoral Fellow, Department of Russian History, Katanov Khakas State University; Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Head of Department of General History and Archaeology, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: damdvera@yandex.ru.

Abstract. The article discusses the process of laying the legislative foundations for the national state of Tuvans. The 1921 decision on the establishment of a nation-state resulted in the emergence of the new legal framework for democratic development which started with the adoption of the basic law — Constitution of 1921. The first stage in the history of the Tuvan People's Republic, from 1921 to 1929, was important and essential for the development of the state. During the period, the legal system was somewhat controversial. The state was headed by former officials, *noyons* ('princes'), who should have held a completely different domestic policy for the construction of socialism. This determined the coexistence of old and new standards. Evolutionary changes in social relations laid the basis for a gradual transition to an industrial society. And, most likely, it was not that dramatic for the people. Any political and social upheavals were fraught with adverse consequences. The rapid change in Tuva's political system and social structure aggravated by disregard of the actual conditions of social development led to a distortion of the ideas of democracy.

During the second phase of development, from 1929 to 1944, there was an abrupt change in the course of the party and state on the path of socialist construction. The then all-Soviet processes were fully reflected in the development policy of the Tuvan People's Republic. In 1929, the historical 8th Congress of the Tuvan People's Revolutionary Party was held which declared the fight against 'right-wing deviations' within the party and defined new social development objectives that consisted in following the socialist path. By the time, young administrators had been trained who gradually superseded all the former political leaders. The adoption of the new policy by the Central Committee of the party resulted in a transformation of the legal system. The Party of the Tuvan People's Republic became the primary authority within the system of political institutions. Gradually, the legal framework was patterned by that of the Soviets and completely replaced in 1940. Thus, the conditions for the subsequent incorporation by the USSR had been prepared.

Keywords: system of customary law, democracy, sovereignty, constitution, Tuvan People's Republic, Tuvan People's Revolutionary Party, *khoshun*, *sumon*, *bagh*, Great Khural, Small Khural, arat

Провозглашение демократической республики на Всетувинском учредительном Хурале в 1921 г. стало началом нового этапа в развитии Тувы. Истории Тувинской Народной Республики (далее — ТНР) посвящено немало исследований, в которых анализируются политические, социально-экономические, культурные преобразования. В период ТНР опубликованы работы В. Мачавариани, С. В. Третьякова [Мачавариани, Третьяков 1931], С. А. Шойжелова (Нацова) [Шойжелов 1930], П. Маслова [1933], где предприняты попытки анализа политического и социально-экономического развития Тувы по пути некапиталистического развития.

Более содержательно насыщенный период в изучении ТНР начался после вхождения в состав СССР в 1944 г. В середине 1940-х гг. опубликованы статьи по вопросам социалистического строительства в Туве [Двадцать пять лет ... 1946]. В советский период с 1953 г. регулярно издавались «Ученые записки» Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (далее — ТНИИЯЛИ), в которых анализировались социально-экономические и политические преобразования традиционного общества. В частности следует выделить статьи В. В. Осиповой [Осипова 1957; 1961], П. Г. Башарова [Башаров 1958], Г. А. Забелиной [Забелина 1975], О. А. Толгар-оола [Толгар-оол 1964], С. К. Тока [Тока 1957] и др. В 1956 г. вышла монография В. М. Иезуитова, посвященная истории ТНР [Иезуитов 1956]. В 1964 г. опубликована коллективная работа «История Тувы» в двух томах [История Тувы 1964]. Роль Тувинской народно-революционной партии (далее — ТНРП) в развитии ТНР подробно раскрыта в коллективной работе «Очерки истории Тувинской организации КПСС» [Очерки истории ... 1975]. Обобщением предыдущих исследований по истории Тувы советского времени можно назвать работу Ю. Л. Аранчына [Аранчин 1982]. История ТНР рассматривалась с позиций формационного подхода, особое внимание уделялось материально-техническим достижениям как наиболее наглядным в процессе социалистических преобразований.

Изменение общественно-политической обстановки в стране в начале 1990-х гг. способствовало преодолению одностороннего подхода в освещении прошлого, его переосмыслению и переоценке. Особенно это кос-

нулось периода ТНР, который исследователи начали изучать с позиций плюрализма. Политическое развитие ТНР рассмотрено в монографии С. Ч. Сат, где процесс политогенеза свободен от идеологических оценок [Сат 2000]. Проблема государственного развития ТНР освещена в работах Н. А. Ондара [Ондар 2002]. Роль Советского государства в развитии ТНР рассмотрены в работах С. В. Саая [Саая 2003], Н. П. Москаленко [Москаленко 2004], Н. М. Моллерова [Моллеров 2005]. Политические преобразования в ТНР также освещены в монографии М. М.-Б. Харуновой [Харунова 2011]. Эволюцию правового положения женщин в период тувинского государства в своей статье рассмотрела С. М. Биче-оол [Биче-оол 2003]. Политическое развитие ТНР с новых позиций раскрывается в «Истории Тувы» [История Тувы 2001].

Становление нового государства требовало разработки законодательства. Правительство ТНР занималось разработкой нормативной базы в 1921–1923 гг., используя законотворческий опыт Советской России. Принципы революционной законности, защиты угнетенных слоев населения, социального равенства были заложены в новых уложениях. При этом отсутствие достаточных знаний и опыта в правотворческой деятельности выразилось в незавершенном характере уложений. Правовые нормы отражали особенности общественных отношений: сохранение кочевого уклада жизни и традиционных представлений, социальное неравенство. Формирование правовой базы ТНР проходило в несколько этапов:

1) 1921–1929 гг. — совершенствование конституционных основ системы управления, социального регулирования; судебные функции были переданы органам местного самоуправления, совместное действие обычного права и новых правовых норм; принятие уголовного законодательства, создание Министерства юстиции;

2) 1930–1944 гг. — завершение оформления правовой системы, создание органов правосудия. Сфера действия обычного права уменьшилась, а сфера государственного регулирования расширилась.

Изменение всех общественных структур началось с принятия решения о независимости Тувы. В период 1920-х гг., как отмечает С. Ч. Сат, «тувинские руководители свою основную задачу видели в обеспечении национального единства, в укреплении

независимости страны» [Сат 2000: 10]. Это время определения политических ориентиров, основных принципов управления, становления законодательной основы ТНР.

По Конституции 1921 г., судебная власть переходила к выборным органам местного самоуправления. В дореволюционной Туве судебные функции также выполняли хошунные и сумонные власти в лице нойона и его помощников. Однако нойон получал должность соответственно своему социальному статусу как представитель родоплеменной знати. Верховной судебной властью обладал *амбын-нойон*, верховный правитель Тувы. Тяжкие преступления рассматривал генерал-губернатор *цзяньцзюнь* в Улясутае.

Конституционные нормы определяли развитие системы правосудия ТНР. Функции судебной власти переходили от нойонов-правителей к выборным органам местного самоуправления. Во главе хошуна избирался заведующий, а сумоном руководил коллективный совет из трех лиц [Конституция Тувы 1999: 27].

Система правосудия представляла собой трехуровневую организацию. В низших административных территориях — сумонах — правосудие осуществляли сумонные советы, в хошунах — хошунные коллективы. Тяжкие преступления, такие как убийства, скотокрадство, изнасилования и др., рассматривало правительство ТНР — Центральный Совет [Конституция Тувы 1999: 27].

Для функционирования системы судебной власти необходимо было принятие новой законодательной базы. В 1923 г. на I Великом Хурале ТНР были приняты «Основные законы ведения политической работы народного правительства Танну-Тувинской народной республики» [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2], вторая переходная конституция ТНР. На заседании Хурала с докладом выступил высший министр Правительства ТНР Буян-Бадьргы, зачитавший 22 пункта законоположений, которые и стали Конституцией. На основании принятых конституционных норм отменялись старые звания и чины, должности, а также учреждались четыре министерства: внутренних дел, иностранных дел, финансов и юстиции. Таким образом, функции правосудия переходили к Министерству юстиции [Конституция Тувы 1999: 32]. В рамках министерства создавались судебные органы респу-

блики. В хошунах и сумонах действовали выборные судебные коллегии, тяжкие же преступления рассматривало Министерство юстиции. На Великом Хурале была утверждена и административная система, состоявшая из 6 хошунов: Хемчикский, Улуг-Хемский, Тес-Хемский, Салчакский, Уюкский, Тоджинский.

Сотрудниками правительства был разработан проект уголовного уложения, который был зачитан на заседании Великого Хурала. Образцами при подготовке нового сборника стали законы советского государства. При создании правовых норм разработчики должны были решить ряд проблемных вопросов: определение понятия и признаков преступления, установление возраста уголовной ответственности, определение сущности наказания и его видов. Необходимо было также учесть особенности общественных отношений. Поэтому в уголовном положении сохранили в качестве временной меры наказания плетьюми. Меры наказания за многие виды преступлений меньшей тяжести зависели от выбора судьи.

В новом уложении основным видом наказания становилось тюремное заключение. В дореволюционной Туве тюрем не существовало, и для правительства необходимо было обеспечить скорейшее строительство тюремного здания. Подготовленный проект содержал 83 статьи, но при этом не было произведено разделение статей на процессуальные и уголовные. Проект Уголовно-процессуального Уложения был принят депутатами II Великого Хурала ТНР в 1923 г. [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 20. Л. 1]. Закон вступил в силу 28 сентября 1923 г. До принятия этого кодекса судебные решения принимались в соответствии с нормами обычного права и на основании государственных временных положений [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 7. Л. 34].

Низшие сумонные суды могли судить за преступления, сроки наказания за которые не превышали одного года. Хошунные суды рассматривали дела, сроки которых не превышали трех лет. Высшей апелляционной инстанцией стал Верховный суд ТНР при Министерстве юстиции ТНР; кроме этого, суд судил за тяжкие преступления. На судебных заседаниях на всех уровнях избирались председатель суда и народные заседатели.

Становление новой системы правосудия и отмена обычного права осуществля-

лись с большими трудностями. Для нормального функционирования закона необходимо было также наличие подготовленных кадров, но возможности подготовить кадры на местах у правительства не было. Количество грамотных людей было незначительным, большинство аратов-скотоводов не владели письменностью. Отсутствие национальной письменности также осложняло подготовку кадров. Все делопроизводство до принятия новой тувинской письменности на латинизированной основе в 1930 г. велось на старомонгольском языке, которым владели бывшие чиновники — нойоны, оставшиеся во главе хошунов и сумонов. И в судебных коллегиях количество бывших феодальных чиновников было значительным.

Еще одной существенной проблемой на пути становления судопроизводства стало непонимание, непринятие чиновниками новых методов правосудия. В 1920-х гг. во многих уголках страны сохранялись обычно-правовые отношения; правительство же и ТНРП пытались изжить старые формы правосудия путем постановлений и разъяснительной работы среди населения.

Высший законодательный орган республики — Великий Хурал — заложил основы постепенного перехода от обычного права к новой правовой системе. Особая роль в формировании политической системы принадлежала III Великому Хуралу, работавшему в сентябре 1924 г. Депутаты III Великого Хурала приняли новую Конституцию, третью по счету [Конституции Тувы 1999: 35–38]. Политические органы власти были определены более четко: Великий Хурал, Малый Хурал, Президиум Малого Хурала и Совет министров. На местах власть передавалась Советам хошунов и сумонов. Из числа депутатов Малого Хурала избирали председателя, его заместителя, четырех министров, двух судей. Министерство юстиции сохраняло функцию правосудия. Данный Хурал стал важным этапом в деле укрепления независимости и самостоятельности ТНР. На нем также были дополнены статьи действовавшего Уголовного кодекса [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 7. Л. 83]. Дополнительные 5 статей касались запрета контрабанды, дополняли наследственные нормы, институт расстрела при смягчающих обстоятельствах заменялся восьмилетним заключением и др. [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 7. Л. 83]. В дальнейшем предполагалось более

детально разработать процессуальные и уголовные нормы.

24 ноября 1926 г. на IV Великом Хурале была принята четвертая Конституция ТНР, по структуре более соответствовавшая основному закону. Она состояла из двух разделов: первый содержал введение, второй — шесть глав (31 статья). В конституционных нормах были определены права трудящихся, система государственной власти, принципы избирательного права, положение о государственной символике. В целом система власти осталась прежней, разграничены были лишь полномочия органов управления. Законодательная власть сохранялась за Великим Хурулданом, между сессиями работал Малый Хурулдан, избиравший Президиум, который занимался текущим управлением. Исполнительная власть была сосредоточена в правительстве ТНР. Более детально определялись функции органов самоуправления хошунов, сумонов, багов и арбанов. Власть принадлежала съездам местных самоуправлений, а для текущего управления избирали исполнительные органы — *нутугун закирога* [Конституции Тувы 1999: 45]. Основной закон подтвердил развитие страны по демократическому некапиталистическому пути. Во второй половине 1920-х гг. постепенно набирала силу ТНРП, которую не удовлетворяли принятые конституционные нормы. На внутреннее развитие ТНР в рассматриваемый период большое влияние оказывали СССР и МНР. К концу 1920-х гг. оформилась политическая система государства, укрепившая суверенность ТНР. В экономической сфере господствовали кочевое скотоводство, кустарная промышленность.

Период 1920-х гг. — это время сосуществования традиционного уклада жизни и революционных изменений политической структуры. Как утверждает С. Ч. Сат, «о построении социализма на начальном этапе существования ТНР практически не упоминалось. О нем невозможно говорить в стране, стоявшей на докапиталистической стадии развития, в стране с неграмотным населением, пока не имевшим навыков госуправления» [Сат 2000: 17]. Принятие Конституции 1926 г. завершало демократический этап развития страны.

Архивные материалы помогают раскрыть сущность изменений в законодательной сфере в 1920-е гг. После образования национального государства в 1921 г. нача-

лось постепенное изменение обычно-правовых норм в соответствии с политическими целями развития страны. Период 1921–1923 гг. стал временем, когда обычное право регулировало общественные отношения, пока революционные власти были заняты проблемой сохранения суверенитета ТНР; административное деление страны оставалось прежним (во главе хошунов и сумонов стояли нойоны); не было каких-либо значительных изменений. Жалобы населения представители власти решали на основании обычного права и Китайского Уложения. В дореволюционный период увеличилось вмешательство властей в семейно-брачные нормы. В рассматриваемый период данная тенденция сохранялась. Больше всего рассматривались имущественные споры после развода супругов. Участились кражи скота, которые расследовались на основании обычного права. Так, в 1922 г. житель сумона Монгуш арат Борбаккай требовал разыскать утерянный скот. Он, как и положено, в трехдневный срок обратился к властям с иском о потере трех коров. Глава сумона поручил расследование своему помощнику, который нашел их на территории соседнего хошуна [РФ ТИГИ. Д. 570. Л. 35].

Дела о скотокрадстве также расследовались по общепринятой схеме, и меры наказания для воров устанавливали по обычному праву. Например, в Улуг-Хемское хошунное управление за 1922–1923 гг. поступило семь дел об угоне скота. По судебным материалам видно, что для поимки воров чиновники допрашивали с пристрастием возможных сообщников и свидетелей, которые и указывали на истинных преступников. Из семи дел за это время было расследовано пять, преступники были пойманы и наказаны. Основной мерой наказания для них выбрали битье плетками, в зависимости от степени участия в преступлении — от 50 до 200 ударов [ГА РТ. Ф. 144. Д. 52. Л. 14–30], хотя в данном случае были нарушены конституционные нормы, запрещавшие применение пыток в следствии. Тем не менее проблема отказа от применения физического истязания была достаточно острой для правительства, поскольку даже среди членов правительства были сторонники сохранения подобных наказаний. Так, Буян-Бадьргы при обсуждении доклада министра юстиции обратил внимание на то, что применение пытки — единственный способ установления истины [ГА РТ. Ф. 144. Д. 52. Л. 32].

После принятия Уголовного уложения и вступления его в силу 28 сентября 1923 г. система правосудия стала постепенно меняться. Ежегодно на Великом Хурале министры народного правительства выступали с докладами о проделанной работе. Для анализа интересны доклады министра юстиции, в ведении которого находилось судопроизводство, ведь его министерство должно было принимать непосредственное участие в активной трансформации обычного права.

В докладе министра юстиции на II Великом хурале в 1923 г. упомянуты 2 дела о скотокрадстве, меры наказания за которые были вынесены на основании временных положений [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 7. Л. 34]. Обсуждался вопрос о старых видах наказания, применяемых к преступникам и свидетелям. Большинство делегатов отметило, что подобные меры нужно отменять. Министр юстиции Соднам-Балчыр согласился с этим мнением и указал, что министерство впредь будет стремиться бороться с отсталыми формами следствия. В следующем году на III Великом Хурале в докладе министра повторялись те же проблемы [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 11. Л. 1].

На сессии I Малого Хурала в 1925 г. было принято постановление в отношении деятельности Министерства юстиции: «... Второе: нужно полностью отменить телесные наказания и применение пыток при допросе, а вести следствие согласно веянию времени, поэтому нужно пересмотреть основные положения законопроекта» [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 11. Л. 1]. Даже принятие такого постановления высшего органа управления мало меняло положение дел. По Уголовному уложению ТНР, в качестве временной меры сохранялось наказание плетью. В сущности, по постановлению оно отменялось, но в докладе министра юстиции в 1926 г. на сессии Малого Хурала и в выступлениях хошунных управляющих говорится о применении пыток в следствии и полном игнорировании революционного законодательства [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 12. Л. 62]. Малый Хурал еще раз постановил: «...Необходимо в дальнейшем полностью искоренить применение телесного наказания в дознании и наказании и судебные дела вести в соответствии с аналогичными положениями передовых развитых стран» [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 12. Л. 66]. Такое положение, будучи определенным наиболее часто встречающимся нарушением со сторо-

ны следственных и судебных органов законодательства ТНР, сохранялось до конца 1920-х гг.

В сложных случаях, когда в Уголовном законе не было прямого указания, министр юстиции выносил такие дела на обсуждение перед членами Малого Хурала [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 30. Л. 76–77]. В дальнейшем по постановлению представительного органа судья стал обладать правом творчества, т. е. он выносил свое решение, учитывая смягчающие и отягчающие обстоятельства [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 30. Л. 79]. В уголовном уложении судье давались полномочия выбора санкции в зависимости от обстоятельств дела [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–5]. Роль судьи в обычном праве при принятии решения и наложении наказания всегда была определяющей.

По Уголовному уложению были введены новые категории преступлений, например: производство, продажа и употребление спиртных напитков (§ 64), противорелигиозная пропаганда (§ 57), невыплата жалованья (§ 75), связь женатого мужчины и замужней женщины (§ 81) [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 20. Л. 6]. Виды наказания также были дополнены: лишение свободы со строгой изоляцией, высшая мера наказания — расстрел [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 20. Л. 1]. Приговоры к смертной казни оглашались перед народом, физическое наказание также осуществляли принародно [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 30. Л. 67].

Отмечены случаи, когда судебные дела рассматривались судебными коллегиями в хошунах на народных собраниях — *чыгыш*, на которых судебное разбирательство проходило в присутствии народа и решение, выносимое судьей, одобрялось или осуждалось. Иногда араты настаивали на применении обычного права, не принимая новые нормы, поскольку это считалось справедливым [РФ ТИГПИ. Д. 563. Л. 4].

Для признания и функционирования законов правительство, в частности Министерство юстиции, разъясняло аратам сущность новых норм, убеждало не препятствовать следствию и судебному разбирательству. Но коренным образом изменить отношение аратов к новым нормам не удалось, поскольку не хватало образованных людей, а сами следователи слабо разбирались в новых законах, методах следственной работы. Поэтому зачастую обвиняемых заковывали в кандалы, чтобы они не совершили побег,

так как во многих хошунах и сумонах негде было содержать арестантов, и для облегчения расследования дел и исполнения наказания судьи часто применяли наказание палками или присуждали к ношению шейной колодки — *дөңгү кедирери* [РФ ТИГПИ. Д. 1028. Л. 10].

При рассмотрении дел прослеживался правовой формализм, когда судья принимал решение в пользу богатых и знатных людей, считая их благородными и не способными к преступлениям. Так, при рассмотрении иска о возврате долга батраком Сундуем из сумона Ооржак своему богатому сородичу судья вынес решение в пользу истца, постановив отработать долг в хозяйстве истца [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 2. Д. 75. Л. 9]. В данном случае судья нарушил § 32 Уголовного уложения, по которому несостоятельный обвиняемый должен вернуть частично долг или отбыть тюремное заключение [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 20. Л. 4]. По нормам обычного права несостоятельный должник подвергался наказанию палками или отрабатывал долг [РФ ТИГПИ. Д. 249. Л. 13].

Еще одна проблема, которая поднималась на сессиях Великого Хурала на протяжении 1920-х гг., — это споры между тувинцами и русскими. Для расследования подобных преступлений учреждались специальные совместные комиссии, которые выносили решения по спорным вопросам [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 11. Л. 2]. Наиболее частыми исками со стороны русских были дела о потраве скотом засеянных участков. Тувинцы же, в свою очередь, считали, что они правы, поскольку колонисты заняли их пастбища, и требовали отобрать земли [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 11. Д. 3. Л. 3]. В таких конфликтных ситуациях совместные комиссии пытались разрешить дело путем компромисса, но земельные споры между тувинцами и русскими продолжались. Без решения данного вопроса невозможно было отрегулировать взаимные претензии. Так, на III Великом Хурале депутаты подняли вопрос о священных местах, которыми не могут пользоваться русские. По постановлению Хурала, все священные места, особенно озера, не могли быть использованы в хозяйственной деятельности русским населением [РФ ТИГПИ. Д. 73. Л. 3].

Правительство Тувы пыталось решать земельные споры, но иногда со стороны Русской самоуправляющейся трудовой колонии не было встречного движения. Так,

в постановлении V Великого Хурала говорилось: «...то положение, что исполком русских колонистов препятствовал решению тяжб между коренными жителями и русскими колонистами, а в случаях пренебрежительного отношения к этим делам никак не отвечает требованиям укрепления дружественных отношений. Поэтому эти дела подлежат разбору путем сообщения об этом в нужные инстанции, чтобы предотвратить в дальнейшем такие явления. В случае возникновения тяжких преступлений со стороны русских или других иностранных граждан, то дело решается путем созыва представителя той стороны, гражданином которой данный человек является» [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 20. Л. 26]. Во второй половине 1920-х гг. совместные комиссии действовали уже постоянно.

К 1927 г. следственные органы были образованы практически во всех хошунах, кроме Тоджинского. Из-за удаленного и закрытого географического положения изменения на Тодже происходили гораздо медленнее. В соответствии с уголовным законом, следственные и судебные органы рассматривали мелкие уголовные и гражданские дела. Все материалы расследования тяжких преступлений направлялись непосредственно в Министерство юстиции. Из-за недостаточной разработанности законодательной базы при решении сложных дел или установлении наказания Министерство юстиции обращалось к правительству, которое выносило свое решение. Основными источниками права в период 1921–1929 гг. выступали нормативно-правовые акты, судебные и административные прецеденты, а также нормы обычного права.

Обычно-правовые нормы применялись в решении брачно-семейных и наследственных споров. В хошунных и сумонных судах, особенно на отдаленных территориях, решения выносились на основании традиционных норм, что в своих ежегодных докладах постоянно отмечал министр юстиции [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 36. Л. 1].

В целом в период демократического развития Тувы сосуществование обычного права и законодательства объяснялось рядом объективных факторов. Во-первых, обычно-правовые нормы регулировали отношения кочевого общества, поскольку тувинцы сохранили свой традиционный уклад жизни; во-вторых, в правительстве значительное влияние имели представители

бывшего чиновничества, т. е. знатоки обычно-правовых норм; в-третьих, власть стремилась сохранить своеобразие традиционного общества. В конце 1920-х гг. усиление влияния СССР становилось более заметным и значительным, и страна постепенно переходила к периоду социалистических преобразований.

Принятие новой Конституции 1926 г. подвело черту в демократическом развитии страны; государственные деятели, такие как Монгуш Буян-Бадыргы, Соднам Дондук, понимали, что суверенность ТНР находится под угрозой. Перед глазами был пример Монгольского теократического государства. Поэтому 8 марта 1927 г. состоялся Всетувинский ламский съезд, который организовали правительство и ТНРП. Укрепление положения религии в республике способствовало единению народа и политической стабильности. Но позиции старого руководства уже не были прочными, и новые кадры, подготовленные в СССР, постепенно укрепляли свои позиции.

В мае 1928 г. Малый Хурал принял закон, запрещавший антирелигиозную пропаганду и объявлявший буддизм государственной религией [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5. Л. 12–15]. Это была последняя попытка сохранить политическую самостоятельность, но борьба за власть уже набирала обороты. Позиции в партии и правительстве новых руководителей, воспитанных на марксистско-ленинской идеологии, окрепли. Усиление их влияния было обусловлено и политическими изменениями в СССР.

В конце 1920-х гг. в Советском Союзе завершался процесс борьбы за власть между сторонниками И. В. Сталина и старой гвардии большевиков. Завершающим этапом в укреплении власти И. В. Сталина стал разгром правой оппозиции во главе с Н. И. Бухариным. Тезис о нарастании классовой борьбы стал основополагающим в политике СССР. В МНР в 1926–1928 гг. также начался процесс отказа от некапиталистического развития. Исследователь политической истории Монголии С. К. Рощин пишет, что эти годы были апогеем монгольской национальной демократии [Рощин 1999: 141].

Нужно отметить, что в данный период было отмечено усиление влияния СССР на внутреннюю и внешнюю политику ТНР. Договоры о дружественных отношениях, укрепление межпартийных связей, включение ревсомола в качестве сочувствующей сек-

ции в Коммунистический Интернационал Молодежи позволили значительно увеличить влияние Советского Союза. VIII Съезд ТНРП в 1929 г. завершил общедемократический этап в развитии Тувы: страна встала на путь социалистических преобразований, укрепления власти ТНРП в системе государственных органов.

В связи с изменившимися целями и задачами развития государства в 1930 г. VIII Великий Хурал принял пятую Конституцию ТНР. В соответствии с основным законом изменилось название страны — Тувинская Аратская Республика (далее — ТАР). На территории Тувы утверждалась власть диктатуры трудящихся аратов, целью развития был обозначен переход к социализму. Опорой власти признавалось трудовое батрачество. Такая позиция вполне соответствовала политике СССР, основанной на резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» [КПСС... 1984: 30]. Партия усиливала опору на пролетарские и полупролетарские слои деревни в колхозном строительстве. В административной структуре расформировывались баги как мелкие территориальные единицы, остались лишь хошуны, сумоны и арбаны.

Система власти не претерпела существенных изменений. Однако роль государства усиливалась за счет создания органа Государственного контроля и Управления государственной внутренней политической охраны (далее — УГВПО) для борьбы с политической и экономической контрреволюцией. Существенно изменилось количество групп населения, лишенных избирательных прав. По Конституции было выделено 7 категорий населения, среди которых большую часть составляли духовные и светские феодалы. В целом основной закон соответствовал интересам ТНРП в деле форсированного перехода к социализму.

Резкое изменение в политике власти после VIII Съезда ТНРП и принятия Конституции привело к нарушениям прав населения. Народное недовольство внутренней политикой форсированного перехода к социализму вылилось в восстание 1930 г. 17 марта в Дзун-Хемчикском хошуне группа бывших чиновников подняла мятеж. Участниками восстания были не только бывшие феодалы, как это было определено в «Истории Тувы».

Исследователь политической истории

ТНР С. Ч. Сат определила количественный и социальный состав восставших: «По материалам ЦКК ТНРП, среди участников, не имеющих скота, были 18 чел., имевших от 5 бодо¹ — 35, от 6 до 10 бодо — 20, от 11 до 20 бодо — 55, от 21 до 50 — 50, от 51 до 70 — 25, от 71 до 100 — 32, свыше 100 бодо — 10 чел., а всего насчитывалось 261 чел. Из них бывших феодалов и их сыновей было 50, лам и шаманов — 30, членов ТНРП — 23, ревсомольцев — 16» [Сат 2000: 28]. Таким образом, называть его феодальным выступлением ошибочно.

Восстание аратов обусловлено следующими причинами: ошибки и просчеты правительства в экономической и налоговой политике; борьба с зажиточными аратами, конфискация имущества [РФ ТИГПИ. Д. 1132. Л. 15–16]. В борьбе против феодалов как класса батракам запрещали наниматься на работу. Отделение церкви от государства, преследование зажиточных аратов, конфискация их имущества и скота, насильственная коллективизация — все эти мероприятия оттолкнули от власти различные социальные группы, в том числе и батрачество. Участники восстания обращались к правительству об отмене непопулярных мер, но конструктивного диалога не получилось. Восстание было подавлено, и 130 человек были осуждены, из них 50–60 — лишь по подозрению в соучастии [Сат 2000: 29].

Вслед за событиями в западных хошунах началось восстание, поднятое русским населением Русской самоуправляющейся трудовой колонии. Насильственная кооперация крестьянских хозяйств встретила сопротивление колонистов. В связи со сложностью обстановки полномочный представитель СССР в Туве А. Г. Старков настоял на введении советских войск для подавления восстания, и, как и Хемчикское восстание, оно было подавлено с помощью кавалерийского отряда из Минусинского округа [Сат 2000: 30]. В дальнейшем ТНРП и правительство были вынуждены смягчить политику перехода аратов на оседлый образ жизни.

Законодательные изменения в начале 1930-х гг. соответствовали политическому курсу страны. 31 января 1930 г. вступило в силу новое Положение о судостроительстве

¹ Бодо — условная единица исчисления скота, соответствовавшая 1 голове КРС или 10 овцам, или 20 козам.

ТАР, 3 апреля начал действовать Уголовный закон, 8 мая — Кодекс о браке, семье и опеке, Основные начала землепользования и землеустройства в ТАР [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 38. Л. 1]. Соответствующие законы дополнялись положениями и инструкциями. Все проекты были разработаны по советскому образцу, с учетом особенностей перехода от кочевого образа жизни к оседлому.

Произошли кардинальные изменения и в судебной системе. Трехуровневая система судопроизводства отменялась, в стране создавался Верховный суд, на местах оставались лишь хошунные судебные органы. Первичное расследование дел передавалось уполномоченным Управления государственной внутренней политической охраны, Милиции, заместителю хошунного управления [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 53. Л. 2]. В сумонах и арбанах судебные органы расформировывались. При Верховном суде учреждались должности следователей, которые проверяли дела и при достаточном расследовании направляли дело в суд со своим обвинительным заключением.

Согласно положению о порядке расследования следствия, «на уполномоченных УГВПО, помощников управляющих Хошунных Управлений (там, где они имеются), органы милиции и следователей, состоящих при Верховном суде, возлагается производство следствия по уголовным делам, означенные органы власти принимают от учреждений, предприятий и граждан всевозможные жалобы и заявления, имеющие уголовный характер, и принимают по ним соответствующие меры для расследования, а также имеют право возбуждать по своей инициативе уголовные преследования и привлекать к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении того или иного уголовного преступления» [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 53. Л. 1]. Дела, по которым срок наказания не превышал одного года и размер штрафа был до 600 руб., направлялись в Хошунный Народный Суд, который рассматривал гражданские и мелкие уголовные дела.

Верховный Суд республики рассматривал наиболее тяжкие преступления против государства и власти, личности, собственности. Именно в такой последовательности перечислены категории преступлений, что было свойственно для периода усиления государственной власти. В судопроизвод-

стве провозглашались принципы открытости, гласности, революционной законности. Однако в законе не упоминались такие понятия, как презумпция невиновности или принцип состязательности процесса. Судья выносил приговор на основании статьи закона и по убеждению. Такое состояние правосудия было характерно для этого периода и полностью соответствовало тезису об обострении классовой борьбы.

Уголовный кодекс ТАР 1930 г. состоял из двух частей: общей и особенной [ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 13. Л. 1]. В первой части определялись сущность и виды наказания, принципы уголовной ответственности. Если в предыдущий период уложение состояло из 88 статей, то теперь оно включало 231 статью. Уголовный закон отменял обычное право в системе правосудия. В целом он носил классовый характер. Виды и формы наказания становились карательными. По своей структуре закон соответствовал классическому нормативно-правовому документу, состоящему из общей и особенной частей. Многие традиции и обычаи, такие как уплата и принятие калыма, отдача скота на выпас, соблюдение религиозных обрядов и ритуалов и др., объявлялись вредными пережитками и преследовались по закону [ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 13. Л. 3].

В 1930 г. был принят закон об отделении церкви от государства, следствием которого стало повсеместное разрушение и разграбление буддийских храмов и монастырей. Бывшие феодалы, ламы, шаманы и члены их семей лишались политических и гражданских прав.

Официально запрещалось ростовщичество. Закон становился главным средством борьбы с «контрреволюционными элементами». В судебной системе и применении наказаний вводилось единообразие, и осуществлялся жесткий контроль за исполнением законов. С введением прокуратуры такой контроль стал еще более суровым. Так, в одном из следственных дел Верховного суда рассматривалось дело судьи Дзун-Хемчикского народного суда, который нарушил уголовные нормы и отпустил вора, назначив ему только штраф. За недобросовестное выполнение обязанностей судья был осужден на 6 лет с поражением в политических правах на 5 лет [ГА РТ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 5. Л. 16].

Прокуратура республики строго следила за деятельностью судей. Поэтому примене-

ние норм обычного права при решении уголовного дела во второй половине 1930-х гг. стало невозможным.

Первая половина 1930-х гг. стала важной вехой в развитии страны: процесс трансформации активно набирал обороты. Несмотря на заметные улучшения, такой форсированный рывок привел и к кризисным явлениям в обществе. Провозглашенная ТНРП борьба с феодальными элементами и контрреволюционерами коснулась и среднего аратства, и батраков. Перегибы в политике были осуждены, но существенных изменений в политике власти не произошло.

Проведение новой политики сказалось на увеличении количества преступников, поскольку появилось большое количество новых видов преступлений. Показательно письмо, которое отправил в Министерство юстиции министр культуры С. Тока после поездки по хошунам: «Прибыв в Тесингол, я ознакомился с работой тюрьмы, что бросилось мне в глаза, это бесчисленное количество сидящих в тюрьме. Среди них очень много сидящих без вины с одной стороны, и с другой не осужденных по 4 месяца. Я со своей стороны думаю, что безвинных распустить, соответственно, проинструктировать их. Прошу вас, Чурмит-Тажы, нажать на Министерство юстиции, чтобы срочно послали следователя, иначе нет возможности их держать в темноте. Повторяю, что нужно срочно» [ГА РТ.Ф. 92. Оп. 1. Д. 52. Л. 28]. Основные причины подобного положения заключались в недостаточной обеспеченности министерства грамотными специалистами, слабой профессиональной подготовленности следователей и судей, что порождало волокиту и судебные ошибки. Например, согласно отчету Улуг-Хемского хошунного управления за 1932 г., было рассмотрено 117 дел, из которых 43 были либо закрыты за неимением доказательств вины, либо в результате рассмотрения дела человек был отпущен как невиновный [ГА РТ.Ф. 144. Оп. 2. Д. 88. Л. 35].

Министерство юстиции проводило разъяснительные работы для сотрудников и работников хошунов и сумонов, но среди населения распространились слухи о том, что власти хотят всех пересадить в целях устрашения, что привело к укрывательству преступников, отказу от свидетельских показаний аратов [РФ ТИГПИ. Д. 1587. Л. 20].

Официально власти не признавали существования обычного права, но в секрет-

ных отчетах министра юстиции, прокуратуры республики указывались случаи, когда араты соблюдали запрещенные законом обычаи и традиции, тайно обращались к шаманам, ламам. Так, в отчете министра описан случай, когда член ТНРП, работник хошунного управления, устраивая свадьбу сына, заплатил калым за невесту в размере 20 овец и 2 коров. На следствии он отрицал факт уплаты калыма, и в деле не нашлось ни одного свидетеля. Судья вынес решение на основании личного убеждения, последующая кассация утвердила приговор. Члены его семьи подверглись общественному порицанию [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 32. Л. 156]. Упомянут и другой случай, когда один арат из сумона Адыг-Тюлюш обратился за помощью к шаману в розыске потерянного скота. Шамана и арата арестовали по доносу и вынесли им суровый приговор: арата осудили на 6 лет тюрьмы, шамана — на 5 лет с поражением в политических правах [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 2. Д. 88. Л. 34–39]. Такое положение в хошунах министр объяснял необразованностью аратов, суеверием и страхом перед шаманами и ламами, способными навлечь беду на людей. Запрещалось не только проведение определенных обрядов, но и участие в родовом молении. Фактически статьи, запрещавшей проведение обрядов, не было, но такое поведение приравнивалось к преступлению. В архиве имеется несколько дел, когда людей судили за проведение обрядов *даг дагыры*, *буга дагыры* [ГА РТ. Ф. 144. Оп. 2. Д. 53, 88, 90. Л. 23, 78, 34–37].

Во многих делах основными мотивами, подтолкнувшими к преступлению, являлись обычно-правовые представления. Например, в одном из дел о ранении мотивом стало нарушение наследственного права. Ажыкай из сумона Салчак Барун-Хемчикского хошуна потребовал у властей сумона передать ему скот, оставшийся после смерти отца, который они забрали как бесхозное имущество. За словесной перепалкой последовала ссора с представителем сумона, и началась драка, в результате которой Ажыкай нанес ему удар ножом. Власти сумона считали, что он проживает в другом хошуне и не может претендовать на этот скот, записанный в их хошуне [ГА РТ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 26. Л. 25–46]. Часто сами власти нарушали законы и расправлялись с неугодными аратами, обвинив их в тех или иных преступлениях, связанных с родовыми пережит-

ками. Так, в архиве прокуратуры имеется дело, по которому обвиняемый по ст. 172 «Эксплуатация несовершеннолетних, сирот, вдов, слепых и глухих, посредством своего служебного или имущественного положения» Сундуй-оол просил следователя в Кызыле разобраться с его делом, так как следователь в хошуне проигнорировал это. Он считал, что его обвинили незаконно из-за того, что он не согласился вступать в колхоз [ГА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 13. Л. 67–68]. В уголовных делах второй половины 1930-х гг. и до 1941 г. часто встречаются подобные свидетельства обвиняемых.

Несмотря на ужесточение политического режима, тувинцы тайно соблюдали традиционные нормы, обращались за помощью к шаманам, праздновали *Шагаа* — Новый год, приглашали лам и т. д. Соблюдение обычного права в кочевой жизни аратов осуждалось партией и правительством. При этом многие араты искренне не понимали вредность этих норм, поскольку они регулировали отношения в обществе. В случае скотокрадства люди старались не обращаться за помощью к властям, а решали дело на основании обычного права: если хозяин по следам найдет свой скот, то возврат был обязателен. Особенно часто подобные дела возникали на приграничных территориях. По докладу прокурора, в 1942 г. по скотокрадству было возбуждено 10 дел, однако он отметил, что монголы и тувинцы часто решали конфликты самостоятельно, не обращаясь к властям. По одному случаю было возбуждено дело о нанесении увечья тувинскому арату монголом, который, как выяснилось, наказал вора на основании обычных правовых норм [ГА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 35. Л. 56].

На заседаниях правительства подобные проблемы особо не обсуждались, но в отчетах правоохранительных органов эта проблема поднималась и анализировалась. Партийные органы также принимали решения об усилении агитации среди аратов, повышении их культурного уровня. Министр юстиции в 1932 г. предлагал ужесточить наказания, поскольку во многих отдаленных сумонах араты не соблюдали принятых запретов [ГА РТ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 56. Л. 12]. В 1941 г. с подобной инициативой выступал и прокурор республики, отметивший, что араты не хотят сотрудничать с властью, занимаются укрывательством преступлений, неохотно дают свидетельские показания [ГА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 20. Л. 59–60]. В

архивных документах, доступ к которым ограничен, встречается много дел, свидетельствующих о сохранении обычно-правовых норм [ГА РТ. Ф. 107. Д. 1, 5, 9, 12, 15]. Кардинальная трансформация общества произошла позднее, после присоединения Тувы к России.

Таким образом, в 1930-е гг. ТНР перешла к следующему этапу своего развития, связанному с усилением роли государства, полностью подчиненного партии. Политические процессы становления тоталитарной сталинской модели социализма в полной мере стали осуществляться и в Туве. Были введены законы по советскому образцу, во многом не отражавшие реального положения в обществе. Нормы обычного права объявлялись вредными пережитками, и некоторые стали приравняться к преступлениям. Политика партии и государства была направлена на форсированный переход к социалистическому обществу, не принимая в расчет отсутствие объективных факторов такого перехода.

Окончательное оформление политической системы советской модели завершилось в 1941 г. принятием последней Конституции ТНР. В 1936 г. была осуществлена попытка принятия конституции, но тогда проект остался непринятым, а затем в ТНР начались массовые репрессии. Поэтому до 1941 г. действовала Конституция 1930 г. Система управления стала более централизованной и упорядоченной. Роль общественных профессиональных, партийных, ревсомольских организаций усилилась. В целом Конституция завершила процесс формирования государственной власти: центральное место в политической системе ТНР заняла партия, усилилась роль прокуратуры и Верховного Суда.

Принятие репрессивных карательных мер для изживания обычного права привело лишь к тому, что араты соблюдали обычно-правовые нормы тайно. Сохранение традиционного хозяйства, привычного уклада жизни, ментальные особенности способствовали консервации обычаев и традиций. Насильственная политика коллективизации, политических репрессий отталкивала аратов от власти, которая уже потеряла свой народный характер. Эволюция взаимоотношений государства и народа привела к усилению роли государства и полному подчинению общества. Тем не менее сохранение традиций и обычаев, составлявших существенную часть жизнедеятельности

кочевников, было своеобразным протестом против насаждения искусственных форм хозяйствования, политизации общественной жизни.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва [*Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tyva* [State Archive of the Tyva republic].]

РФ ТИГПИ — Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных и социально-прикладных исследований [*Rukopisnyy fond Tuvinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'no-prikladnykh issledovaniy* [Manuscript Fund of the Tuvan Institute for Humanities Research and Applied Socio-Economic Studies].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аранчын 1982 — Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 339 с. [Aranchyn Yu. L. *Istoricheskiy put' tuvinskogo naroda k sotsializmu* [The Tuvan people: a historical path toward Socialism]. Novosibirsk: Nauka, 1982. 339 p.].
- Башаров 1958 — Башаров П. Г. Земельная реформа в 1930 году // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. VI. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1958. С. 35–46. [Basharov P. G. The 1930 land reform. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* (TNIYALI). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1958. Iss. VI. Pp. 35–46].
- Биче-оол 2003 — Биче-оол С. М. К вопросу о положении женщины в Туве (с начала XX в. до 1940-х гг.) // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XX. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2003. С. 120–133. [Biche-ool S. M. Revisiting the position of women in Tuva: 1900s-1940s. *Uchenye zapiski Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2003. Iss. XX. Pp. 120–133].
- Двадцать пять... 1946 — Двадцать пять лет тувинской национально-освободительной революции: сб. науч. ст. / Отв. ред. Х. М. Сейфуллин. Кызыл: Тув. обл. изд-во, 1946. 101 с. [*Dvadsat' pyat' let tuvinskoy natsional'no-osvoboditel'noy revolyutsii: sb. nauch. st.* [The 25th anniversary of the Tuvan National Liberation Revolution: collected articles]. Kh. M. Seyfullin (ed.). Kyzyl: Tuvan Regional Publ. House, 1946. 101 p.].
- Забелина 1975а — Забелина Г. А. Первые шаги на пути раскрепощения женщины-тувинки // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. XVI. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1975. С. 81–90. [Zabelina G. A. Emancipation of the Tuvan women: the first steps towards. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* (TNIYALI). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1975. Iss. XVI. Pp. 81–90].
- Забелина 1975б — Забелина Г. А. Рост активности тувинских араток в процессе некапиталистического развития ТНР (1930–1940) // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. XVII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1975. С. 45–52. [Zabelina G. A. Growth in activities by Tuvan peasant women during Tuva's non-capitalist development (1930–1940). *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* (TNIYALI). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1975. Iss. XVII. Pp. 45–52].
- Иезуитов 1956 — Иезуитов В. М. От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1956. 208 с. [Iezuitov V. M. *Ot Tuvy feodal'noy k Tuve sotsialisticheskoy* [Tuva: from feudalism to Socialism]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1956. 208 p.].
- История Тувы 1964 — История Тувы. М.: Наука, 1964. Т. I; Т. II. 456 с. [*Istoriya Tuvy* [History of Tuva]. Moscow: Nauka, 1964. Vol. I; vol. II. 456 p.].
- История Тувы 2001 — История Тувы: в 2-х т. Т. I / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с. [*Istoriya Tuvy: v 2-kh t. T. I* [History of Tuva: in 2 vol. Vol. 1]. S. I. Vaynshteyn, M. Kh. Mannay-ool (eds.). Novosibirsk: Nauka, 2001. 367 p.].
- КПСС... 1984 — Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 5: 1929–1932. М.: Госполитиздат, 1984. 446 с. [*Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TSK* (1898–1988). T. 5: 1929–1932 [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the CC. Vol. 5: 1929–1932]. Moscow: Gospolitizdat, 1984. 446 p.].
- Конституции Тувы 1999 — Конституции Тувы / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тув. кн.

- изд-во, 1999. 216 с. [*Konstitutsii Tuvy* [Tuva's Constitutions]. V. A. Dubrovskiy (comp.). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1999. 216 p.].
- Маслов 1933 — Маслов П. Конец Урянхай / П. Маслов. М.: ОГИЗ; Мол. гвардия, 1933. 143 с. [Maslov P. *Konets Uryankhaya* [The end of Uriankhai]. Moscow: OGIZ; Mol. Gvardiya, 1933. 143 p.].
- Мачавариани, Третьяков 1931 — Мачавариани В., Третьяков С. В Танну-Туву. М.; Л.: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1931. 108 с. [Machavariani V., Tretyakov S. *V Tannu-Tuvu* [Towards Tannu-Tuva]. Moscow; Leningrad: Molodaya Gvardiya, 1931. 108 p.].
- Моллеров 2005 — Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М.: Изд-во Московского гуманитар. ун-та, 2005. 326 с. [Mollerov N. M. *Istoriya sovetsko-tuvinskikh otnosheniy (1917–1944 gg.)* [History of Soviet-Tuvan relations (1917–1944)]. Moscow: Moscow Univ. for the Humanities, 2005. 326 p.].
- Москаленко 2004 — Москаленко Н. П. Этнополитическая истории Тувы в XX в. / Отв. ред. С. И. Вайнштейн. М.: Наука, 2004. 222 с. [Moskalenko N. P. *Etnopoliticheskaya istorii Tuvy v XX v.* [Ethno-political history of Tuva in the 20th century]. S. I. Vaynshteyn (ed.). Moscow: Nauka, 2004. 222 p.].
- Ондар 2002 — Ондар Н. А. Государственное строительство в Республике Тыва: история и современность. М.: Изд-во науч.-образоват. лит-ры РЭА им. Плеханова, 2002. 236 с. [Ondar N. A. *Gosudarstvennoe stroitel'stvo v Respublike Tyva: istoriya i sovremennost'* [Development of the administrative system in the Tyva republic: history and contemporaneity]. Moscow: Plekhanov Russian Academy of Economics Press, 2002. 236 p.].
- Осипова 1961 — Осипова В. В. Сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. как важнейший источник характеристики экономического строя сельского хозяйства Тувы (1921–1930 гг.) // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. IX. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1961. С. 99–124. [Osipova V. V. The 1931 Agricultural and Population Census records as a major source of data on the economic structure of Tuva's agricultural sector (1921–1930 gg.). *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (TNIYALI)*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1961. Iss. IX. Pp. 99–124].
- Осипова 1957 — Осипова В. В. Колхозное строительство в Туве // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. V. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1957. С. 41–61. [Osipova V. V. Tuva's system of collective farms: its establishment and development. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (TNIYALI)*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1957. Iss. V. Pp. 41–61].
- Очерки истории... 1975 — Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1975. 405 с. [*Ocherki istorii Tuvinskoy organizatsii KPSS* [The Tuvan organization of the CPSU: historical essays]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1975. 405 p.].
- Рошин 1999 — Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 328 с. [Roschin S. K. *Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940 gg.)* [A political history of Mongolia (1921–1940)]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 1999. 328 p.].
- Саая 2003 — Саая С. В. Россия — Тува — Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 гг. Абакан: Журналист, 2003. 200 с. [Saaya S. V. *Rossiya — Tuva — Mongoliya: «tsentral'no-aziatskiy treugol'nik» v 1921–1944 gg.* [Russia – Tuva – Mongolia: 'the Central Asian triangle']. Abakan: Zhurnalist, 2003. 200 c.].
- Сат 2000 — Сат С. Ч. Развитие политической системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 годы). Кызыл: Ред.-изд. отдел Тыв. гос. ун-та, 2000. 87 с. [Sat S. Ch. *Razvitie politicheskoy sistemy Tuvinskoy Narodnoy Respubliki (1921–1944 gody)* [The Tuvan People's Republic: development of the political system (1921–1944)]. Kyzyl: Tuvan State Univ., 2000. 87 p.].
- Толгар-оол 1964 — Толгар-оол О. А. Образование и идейно-организационное укрепление ТНРП (1921–1929 гг.) // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. XI. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1964. С. 223–241. [Tolgar-ool O. A. Tuvan People's Revolutionary Party: its establishment, ideological and organizational reinforcement. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (TNIYALI)*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1964. Iss. XI. Pp. 223–241].
- Тока 1957 — Тока С. К. Народ, возрожденный Великим Октябрем // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского инсти-

- тута языка, литературы и истории (ТНИИЯ-ЛИ). Вып. V. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1957. С. 5–15. [Toka S. K. The people revived by the Great October. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (TNIIYALI)*. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1957. Iss. V. Pp. 5–15].
- Харунова 2011 — Харунова М. М.-Б. Социально-политическое развитие Тувы в середине XX в. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с. [Kharunova M. M.-B. *Sotsial'no-politicheskoe razvitie Tuvy v seredine XX v.* [Social and economic development of Tuva in the mid – 20th century]. Novosibirsk: Nauka, 2011. 139 p.].
- Шойжелов 1930 — Шойжелов (Нацов) С. А. Тувинская Народная Республика // Материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. М.: Издания НИАНКП, 1930. 100 с. [Shoyzhelov (Natsov) S. A. *Tuvinskaya Narodnaya Respublika // Materialy i dokumenty po istorii natsional'no-revolutsionnogo dvizheniya tuvinskikh skotovodov* [The Tuvan People's Republic: materials and documents on the history of the Tuvan livestock breeders' revolutionary and liberation movement]. Moscow: NIANKP, 1930. 100 p.].

УДК 94(47).084

Формирование нормативно-правовой базы Тувинской Народной республики (1921–1944)

Вера Монгушевна Дамдынчап¹

¹ докторант, кафедра истории России, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; кандидат исторических наук, доцент, заведующий, кафедра всеобщей истории и археологии, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: damdvera@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс законодательного строительства основ национального государства у тувинцев. Принятие решения о создании национального государства в 1921 г. обусловило процесс становления новых правовых основ демократического развития, который начался с принятия основного закона — Конституции 1921 г. Первый этап истории ТНР с 1921 по 1929 гг. был важным и определяющим в развитии государства. Во главе государства стояли бывшие чиновники, которые обладали опытом управления, но не имели представления о социалистической системе. На данном этапе сосуществовали старые и новые нормы.

На втором этапе развития с 1929 по 1944 гг. произошла резкая смена курса партии и государства по пути строительства социализма. Процессы, происходившие в СССР, в полной мере получили отражение в развитии политического курса ТНР. В 1929 г. состоялся исторический VIII съезд Тувинской народно-революционной партии, объявивший борьбу с «правым уклоном» в партии и определивший новые задачи развития общества по социалистическому пути. К этому времени были подготовлены молодые кадры управленцев, которые постепенно сменили все руководство страны. В данный период произошла трансформация правовой системы вследствие принятия нового политического курса ЦК ТНРП. В системе политических институтов ТНР партия становится основным органом власти. Постепенно законодательная база полностью была заменена в 1940 г. по советскому образцу. Таким образом, были подготовлены условия для дальнейшего вхождения в состав СССР.

Ключевые слова: система обычного права, народовластие, суверенитет, Конституция, Тувинская народная республика, Тувинская народно-революционная партия, хошун, сумон, баг, Великий Хурал, Малый Хурал, арат